

УДК [94:323.1] (470,44)

СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ФАКТОРЫ УСПЕХА, УНИКАЛЬНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА, ПРИЧИНЫ КРАХА

А. П. Мякшев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: myakshev@mail.ru

В статье исследуются основные аспекты советской национальной политики, направленной на установление и укрепление межэтнического доверия между народами бывшей Российской империи. Анализируется альтернативный проект элит титульных этносов национальных республик, стремящихся к перераспределению ресурсов в свою пользу и ограничению прав национальных меньшинств на самоопределение и самореализацию. Делается вывод о решающей роли политического этнонационализма в реализации своего проекта развала Союза ССР.

Ключевые слова: национальная политика, межэтническое доверие, политический этнонационализм, титульный этнос, национальные элиты, власть.

Soviet National Policy: the Success Factors, Unique Historical Experience, Reasons of Failure

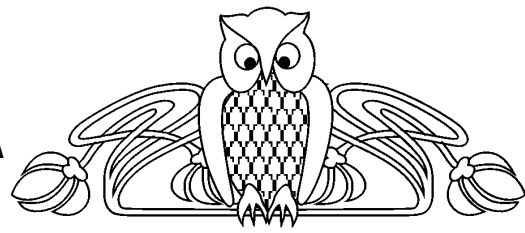
A. P. Myakshev

The main aspects of national soviet politics, aimed at the establishment and consolidation of the interethnic trust between the peoples of the former Russian Empire, are analyzed in the article. It investigates the alternative project of the title ethnoses elites of national republics, which were targeted at the redistribution of the resources in their favor and the limitation of the rights concerning self-determination and self-realization of national minorities. The conclusion about the main role of political ethnonationalism in the realization of its USSR collapse project is made.

Key words: national policy, interethnic trust, political ethnonationalism, title ethnos, national elites, authority.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-46-51

Лидеры большевизма, рискнувшие возглавить распадающуюся по «национальным квартирам» бывшую Российскую империю, весьма противоречиво и крайне неоднозначно представляли как тактику строительства многонационального государства, так и стратегию будущего населявших его наций. Гражданская война быстро отрезвила тех, кто полагал, что «классы первичны, а нации вторичны» и что «нациев никаких не нужно, а нужно объединение пролетариев». Поход за «мировой революцией» в Германию «через Польшу» продемонстрировал приоритет консолидации на национальной, а не на классовой почве, и заставил Ленина сомневаться в марксистской догме о «безнациональном и безклассовом» обществе в будущем. Собственно, грандиозные потрясения великой российской революции

заставили большевиков незамедлительно «рутинизировать» свои представления о легкости преодоления межнациональных противоречий в угоду классовой солидарности и распада по так называемым «этническим» границам в противовес государственному единству.

Более чем реальная угроза отстранения большевиков от власти после победы в Гражданской войне, проявившаяся зимой–весной 1921 г. в форме массового нежелания крестьян и рабочих сотрудничать с новой властью, заставила их отказаться от политики «абсолютизации насилия, подавления и принуждения» и в экстренно-чрезвычайном режиме перейти к поиску и достижению широкого социального доверия к «диктатуре пролетариата». В сфере социально-экономических отношений удачно найденной моделью доверия оказалась «новая экономическая политика», в области межнациональных связей – образование «открытой» советской федерации национальных республик по периметру границ «закрытой» Российской Федерации. Нэп явил собой попытку «социального мира», СССР – проект расширения и углубления этого «социального мира» путем наделения «некогда неравноправных» народов возможностью укрепить свою национальную идентичность государственными узами. Декларативные и явно популистские идеи Гражданской войны (от лозунга «За социализм, за шариат!» в Средней Азии до провозглашения независимости Украины) сменились реальной и продуманной политикой национальных предпочтений, имевших четкую и ясную цель – завоевать и утвердить доверие к выдающемуся «социальному эксперименту».

Никакой иной политики в сфере взаимодействия этносов Советское государство за весь последующий период своего развития не знало и не проводило. Безусловно, вывод о характере национальной политики в годы Великой Отечественной войны, сделанный известным исследователем межнациональных отношений в СССР А. И. Вдовиным, следует распространить на всю советскую историю: «советская национальная политика... определялась главным образом идеями популизма, созвучными народным ожиданиям (подчас неосуществимым) и вере в возможность скорейшего и справедливого разрешения национальных проблем, и прагматизмом, ориентированным на скорейшее достижение практически полезных результатов»¹. Популизм и прагматизм явились средствами достижения двух

целей – установить доверие этносов к власти как программа-минимум и достичь межэтнического доверия как программа-максимум.

В силу данного соображения вряд ли целесообразно выделять какие-то особенные, качественно «новые» этапы в процессе реализации советской национальной политики. К примеру, период 1953–1964 гг. один из видных его исследователей А. В. Пыжиков склонен рассматривать временем «нового “рождения” национального вопроса в постсталинском СССР». Объективно, считает он, в СССР, «особенно там, где сохранились пережитки традиционных обществ, национализм и национальные движения выступали еще и в качестве антимодернистской реакции на модернизацию в целом». Национализм усиливался и субъективными факторами: «от создания национальной государственности до варварских депортаций и гонений целых народов и так называемой мягкой русификации, служившей интересам Советского государства, а не русского этноса»².

На наш взгляд, советское руководство еще в 1920-е гг. четко осознало теоретическую ограниченность и практическую опасность марксистской антинациональной ортодоксии. Распад времен Гражданской войны и необходимость восстановления полиэтнического государства заставили И. В. Сталина и его окружение дрейфовать в сторону национал-большевизма. К тому же ленинская версия интернационализма, предполагавшая помощь «бывших наций-угнетателей» «отсталым» этническим меньшинствам бывшей империи в достижении уровня развития европейской части страны, правовое равенство граждан страны «поверх» этнических границ, наделение значительной части «бывших угнетаемых народов» политической самостоятельностью в форме государственного самоопределения, не только не противоречила складывающейся «новой национальной политике», а наоборот – позволяла сталинскому руководству начать выстраивать вертикальные и горизонтальные связи между этносами бывшей Российской империи и приступить к интеграции советского общества.

Таким образом, с самого своего рождения советская политика нациестроительства «на принципах доверия и солидаризма» была вынужденным компромиссом пришедших к власти и стремящихся удержать ее любой ценой большевиков с насущными объективными интересами многонационального государства. Компромисс «породил» политику коренизации, проводимую в интересах титульных этносов не только во вновь созданных государственно-национальных образованиях, но и за их пределами.

Политика «коренизации» заключалась в вовлечении национальных кадров в руководящий аппарат, определении статуса национальных языков, создании письменности для тех народов, которые ее не имели, строительстве национальных школ, создании собственных литературы,

искусства и т. д. «Коренизация» положила начало образованию новых местных элит с присущей им национальной спецификой. За короткое время доля представителей титульных этносов в «своих» республиканских аппаратах резко возросла, к примеру, в Белоруссии за 1925–1930 гг. – с 42,6 до 59,4%. В Закавказье «националы» заняли ведущие позиции: Азербайджане – 36,79, Армении – 93,53, Грузии – 74,6%³. Трудности «украинизации» в промышленных районах Украины «компенсировались» установлением в ультимативном порядке «предельных сроков украинизации» и выдвижением требования «украинизации всех учреждений районов вне Украины, где проживали украинцы», что вызывало осуждение со стороны и самих украинцев⁴. «Коренизация» коснулась Калмыкии и Ойратской области, где своя письменность только еще вводилась. Комитет содействия народностям северных окраин подвиг «планомерному устройению малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношении».

«Коренизация» создала широкую социальную базу советской власти в национальных регионах, поскольку проводилась параллельно с ликвидацией негативных последствий колониальной политики царизма в земельном вопросе. «Националов» устраивала и практика «позитивной дискриминации» которая, безусловно, «ударилась» по русским, сразу же почувствовавшим себя ущемленными в создаваемых национальных республиках. «Коренизация» в целом способствовала созданию новой иерархии этничностей. Несмотря на разгром национал-коммунистов в конце 1920-х гг., «коренизация» обеспечила успех в большинстве национальных регионов, сопряженный со значительными трагическими потерями, жертвами и ущербом. Модернизация национальных сообществ и региональных экономик проходила через оседание кочевого хозяйства, коллективизацию и развитие индустриального сектора экономики.

Советская национальная политика к концу 1930-х гг. успешно решила национальный вопрос, каким он представлялся в среде как австрийской, так и русской социал-демократии на рубеже XIX–XX вв., поскольку обеспечила подлинное равноправие советских народов, сняв их социально-политическое и культурное отчуждение, заложив фундамент межэтнического доверия в СССР. Уверенность сталинского руководства в «решенности» национального вопроса в ряде случаев приводила к попыткам реализации установок на форсирование процесса межнационального сближения. Представляется, что наиболее показательной в данном отношении явилось решение Политбюро ЦК ВКП(б) 1937 г. о ликвидации национальных районов. И это несмотря на то, что к 1 декабря 1933 г. в Российской Федерации насчитывалось 117 национальных районов и более 3 тыс. сельских советов с численно преобладающим населением из национальных меньшинств.

Создание национальных административных единиц в определенной мере способствовало национальному самоопределению многочисленных народов, компактно проживающих на инонациональной территории. Возможно, данным фактором объясняется и разгром этнических элит в конце 1930-х гг. Впрочем, ни ликвидация национальных районов, ни «подавление» национальной бюрократии не означали ревизии основных положений сталинско-ленинской доктрины интернационализма в СССР либо корректировки национальной политики в целом.

Следует признать, что социалистический эксперимент по достижению межэтнического доверия в силу своей уникальности и новизны сопровождался периодическими, но с точки зрения теории фрагментарными и кратковременными сдвигами и провалами, в ходе которых нарушались либо вовсе игнорировались два базовых условия сохранения советской формы межэтнической толерантности и доверия: сохранение статуса и территориальных границ национальной республики и укрепление государствообразующей роли своей этнической нации. Признание за титульными этносами подобных «гарантий» национальной идентичности служило, в свою очередь, основой их гражданской лояльности, выразившейся уже к концу 1930-х гг. в благоприятном отношении национальных элит к широкому распространению русского языка и культуры. Поддержание властью такого консенсуса-баланса в экстремальных либо чрезвычайных условиях становилось практически невозможным. Представляется, что к подобным эксцессам следует отнести акты депортаций народов в СССР.

С этой точки зрения позиция В. Н. Земскова, полагавшего, что депортация народов «служила целью как ускорения ассимиляционных процессов в советском обществе, так и ликвидации в перспективе этих народов в основном за счет их ассимиляции в более крупных этнических массах и частично за счет завуалированного геноцида и ослабления их биологического потенциала»⁵, представляется явным преувеличением. Не сомневались в «злонамеренности советского способа решения национального вопроса» такие видные ученые, как Дж. Хоскинг, усматривавший «главную цель всех этих депортаций» в стремлении власти «в конечном итоге и полностью уничтожить те народы, которые оказались неспособны быстро ассимилироваться с Российской или, точнее сказать, Советской империей»⁶, и А. М. Некрич, полагавший, что депортации народов – неперемный признак «имперской политики», главным «принципом» которой является обеспечение единства народа и «собственной мощи» исключительно «только силой»⁷.

Более доказательна и аргументирована позиция Н. Ф. Бугая, склонного считать депортацию народов в СССР «средством» «по урегулированию возникавших конфликтных ситуаций в отноше-

ях между народами, а скорее, в отношениях между властью и народами, а также как возможность ослабления криминогенной обстановки, обусловленной войной, трудностями экономического положения и другими социальными явлениями»⁸.

Факты свидетельствуют о том, что отождествлять «депортацию» с «геноцидом» неисторично: численность депортированных народов в конце 1940 – начале 1950-х гг. начинает расти, рождаемость превышает смертность и становится не меньше, а в ряде случаев даже больше, чем у народов, живущих в местах ссылки, но не подвергнувшихся насильственному переселению. Например, рождаемость чеченцев увеличивается с 1948 г., в 1953 г. родилось 16,6 тыс. человек, в то время как умерло 6 тыс. чеченцев⁹. Приблизительно такая же картина наблюдалась и у других народов, находившихся в ссылке. Существенным фактором, не позволяющим приравнивать депортацию к геноциду, может являться тот факт, что метод переселения «целыми семьями» обеспечивал возможность сохранить генофонд нации, а совместные испытания и переживания в местах ссылки внутренне консолидировали этнос и неизмеримо скрепляли национальную идентичность. Известный социолог С. Г. Кара-Мурза, дед которого «был из Крыма», вспоминает, что крымские татары с облегчением восприняли известие о решении выселить их из Крыма (но не судить за соотрудничество с немцами, «это по законам военного времени была бы верная смерть») ¹⁰.

Вряд ли кто сомневается в том, что оправдать с точки зрения человеческой морали и нравственности действия власти, осуществлявшей массовые насильственные перемещения целых народов, сопровождавшиеся исключениями их из числа наиболее привилегированных государствообразующих этносов, за «проявленную» ими «мнимую или действительную» нелояльность к стране и «содружеству народов», невозможно. Однако логика управленческих решений ГКО, соглашавшегося либо противившегося депортации того или иного этноса (Ю. А. Жданов в своих воспоминаниях приводит интересные сведения о заседании ГКО, на котором «не состоялось» решение о выселении кабардинцев¹¹), понятна и объяснима: этнос (или его часть), «не проявивший солидарность» с другими этносами и властью, должен быть наказан за «утрату доверия».

Представляется, что роль депортаций народов и их влияние на изменение векторов советской национальной политики недооценена. Насильственные переселения способствовали осознанию своих специфических интересов национальными элитами титульных этносов. Со времени реабилитации ряда депортированных народов и воссоздания утраченной ими государственности во второй половине 1950-х гг. начинается необратимый процесс становления могущества политической формы этничности в национальных республиках, неразрывно связан-

ной с уже созданным и стремительно развивающимся и укрепляющимся историко-культурным нарративом-потенциалом. Речь может идти в данном случае об альтернативной модели межэтнического взаимодействия. Если советский проект предусматривал поиск межэтнического доверия на основе принципов солидарности и укрепления национальной идентичности этносов, прагматичного распределения национальных преференций, то в национальных республиках местные элиты ощутили возможность реализации «этнократических» целей и задач: перераспределение ресурсов, власти, территорий в интересах титульного этноса и ограничение прав национальных меньшинств на самоопределение и самореализацию.

Наличие двух благоприятных факторов, субъективного (в лице сначала Л. П. Берия, а затем Н. С. Хрущева национальные кланы получили явное покровительство) и объективного (оба варианта исходили из сложившейся исторической ситуации растворения «российских» интересов в «общесоветских» и превращения государствообразующего русского этноса и русского языка в «цементирующий» фундамент новой исторической общности – советский народ), привело в 1950-е гг. к первому, упорно не замечаемому постсоветской историографией, «национальному взрыву».

Передача ряда союзных предприятий в подчинение республиканских министерств, упразднение отраслевых министерств, замена всей системы управления экономикой примерно сотней региональных совнархозов заметно способствовали усилению этнических кланов, управлявших экономикой, тем более что границы ряда совнархозов совпадали с границами союзных республик. Усиление притязаний республиканских элит в конце 1950-х гг., выразившихся в требованиях больших прав региональным лидерам в национальных республиках, больших инвестиций в собственную республику, протестах против притока русских в республику и против тенденции к языковой ассимиляции, явилось, по всей видимости, реакцией крепнущих национальных элит на явные проявления процесса ослабления центральной власти¹².

Национальные элиты, пользуясь покровительством советского лидера, приступили к перекройке «этнических» границ. Пример передачи Крыма не единичен. В феврале 1956 г. из Казахской в Узбекскую ССР передали Бостандыкский район и часть земель Голодной степи, затем из Узбекской в Таджикскую ССР – земли южной части Дальверзинской степи¹³. Этнократии открыто обсуждали проекты включения Нагорного Карабаха в состав Армянской ССР¹⁴, преобразования Карачаево-Черкесской автономной области в АССР, а Татарской АССР – в союзную республику (в ряде случаев при образовании Татарской ССР в нее предлагали включить Башкирию), объединения Север-Осетинской АССР с Юго-Осетинской

автономной областью, упразднения Аджарской АССР¹⁵.

Центр был еще достаточно силен, чтобы остановить наступление «зарвавшихся» национальных кланов и лидеров: в 1958–1961 гг. высшие партийные руководители Азербайджана, Киргизии, Латвии, Молдавии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана были сняты с занимаемых постов в связи с националистическими проявлениями¹⁶. После этого процесс коренизации, выразившийся в протекционистской системе подбора кадров и обеспечения льготного доступа представителей титульных этносов к высшему образованию, приобрел характер и форму этнической мобилизации республиканских элит. «Жизнь наглядно показала, – утверждал в своих мемуарах М. С. Соломенцев, – что все руководители республик в той или иной мере – националисты»¹⁷. В 1970-е гг. наступил период расцвета политического этнонационализма в республиках.

В период «развитого социализма» стала очевидна невозможность примирения и «мирного существования» двух стратегий решения национального вопроса. Переход элит титульных этносов к реализации программы политического этнонационализма в национальных республиках ставил в повестку дня вопрос о самом существовании единого полиэтнического государства. В 1972 г. ряд членов Академии наук Узбекской ССР, обратившихся с письмом в Верховный Совет СССР с «сигналом... в отношении национализма, процветающего в республике» и сообщением о том, что все органы власти в республике «заполнили родственники секретаря ЦК тов. Рашидова», для которых «абсолютно чуждо чувство интернационализма», особо подчеркивали, что они не удивятся, «если возникнет вопрос о самоопределении Узбекистана в самостоятельное государство»¹⁸. Согласиться с подобным вариантом развития межнациональных отношений в СССР советское руководство не могло.

В рамках концепции «советского народа как новой исторической общности» были скорректированы приоритеты национальной политики. На встрече с лидерами крымско-татарского движения 21 июля 1967 г. Ю. В. Андропов в сжатом виде сформулировал национальную стратегию следующим образом: «Для вас главный вопрос – крымский. Но есть еще более главный вопрос – это советский вопрос, а не татарский. Вы ведь не только татары, но и советские люди. Надо заботиться об интересах не только своей нации, но и всего советского народа»¹⁹. Политический этнонационализм закрепил свое возросшее могущество конституционным путем. Несмотря на то что Конституция 1977 г. соглашалась с распространением «суверенитета СССР» «на всю его территорию»²⁰, одновременно союзная республика признавалась суверенным государством, за ней закреплялось право свободного выхода из СССР. Союзная и автономная республики

имели право учреждать свою Конституцию, учитывая их «особенности», в соответствии с главным законом страны территория республик не могла быть изменена без их согласия²¹. По сути, уже по Конституции 1977 г. «советский народ» юридически оказывался «разрезанным» на различные «суверенные» части.

Усилившиеся к этому времени национальные бюрократии легко блокировали любые попытки союзного руководства формировать групповые практики доверия и солидарности в полиэтничном и мультикультурном Советском Союзе. Конфликт союзного руководства и элит титульных этносов национальных республик наиболее отчетливо проявился в ходе предпринимаемых Кремлем мер по завершению процесса реабилитации ряда ранее депортированных этносов и восстановления их упрямой государственности.

Советскому руководству удалось добиться реабилитации крымских татар. 5 сентября 1967 г. указом Президиума Верховного Совета СССР «огольные обвинения» с них были сняты. Вернуться в Крым крымским татарам было не суждено. По мнению бывшего начальника 5-го управления КГБ СССР Ф. Д. Бобкова, негативную роль в судьбе крымско-татарского народа сыграло украинское руководство. Бобков писал, что если бы не было столь щедрого подарка Хрущёва Украине, татары «уже давно спокойно жили бы в Крыму». Под большим нажимом, сообщал Бобков, украинское руководство согласилось принимать в год двести – триста татарских семей, однако «вскоре начались звонки из Краснодарского края: через Керченский пролив на пароме татар вновь насильно вывозят из Крыма». Это делалось, утверждал Ф. Д. Бобков, по «решению руководства Украины»²². Власти Узбекистана препятствовали выезду крымских татар («в Узбекистане «деликатно» запрещают покупку домовладений у татар») ²³.

Советское руководство неоднократно (Постановления Президиума Верховного Совета СССР от 30 мая 1968 г. и 9 января 1974 г. ²⁴) признавало право турок-месхетинцев на местожительство в любом районе СССР, однако грузинские власти категорически отказывались выполнять эти решения. Правда, небольшому числу месхов пообещали возможность трудоустройства на строительстве Ингури ГЭС и в районе строительства ирригационной системы в Колхидской низменности, но и эти обещания не были выполнены²⁵. В июне 1969 г. большие группы турок были выселены из Гальского района Абхазской АССР, где они по договорам работали в совхозах²⁶.

Ф. Д. Бобков утверждал, что грузинские руководители В. Мжаванадзе и Э. Шеварднадзе препятствовали возвращению месхетинцев, аргументируя это решение тем, что «земли месхетинцев уже заняты другими, во-вторых, рядом граница, месхи же занимаются контрабандой и поэтому пограничники возражают против их возвращения»²⁷.

Та же судьба постигла и 13 семей курдов из Джамбульской области, которые приехали в Самтредийский район Грузинской ССР, «но были оттуда выдворены в сопровождении милиции». На станции Самтредиа курдам даже «не разрешили выйти из вагонов, и они попутным товарным поездом выдворены с территории Грузии»²⁸.

В 1976 г. высшее руководство страны признало, что к вопросу о создании немецкой автономии «можно было бы отнестись положительно»²⁹. К июню 1979 г. были решены все практические вопросы по образованию в Казахстане Немецкой автономной области с центром Ерментау. Не осмеливаясь возражать открыто воле союзного руководства (15 июня 1979 г. ЦК КП Казахстана «вошел с конкретными предложениями в ЦК КПСС о составе и границах Немецкой автономной области, о структуре и штатах ее партийных органов»³⁰), казахская политэлита спровоцировала студенческие волнения в Целинограде и продемонстрировала Москве решимость отстаивать этнократические идеи в «лаборатории дружбы народов». Не захотела делиться с немцами властью над «своей» территорией и саратовская политэлита, которой из Москвы было предложено «проработать» вариант с образованием Немецкой автономной области сразу же после неудачи в Казахстане³¹. Обуздать этноэлиты титульных этносов национальных республик в 1970-е гг. не удалось. Политическому руководству страны пришлось смириться с существованием «нормативного этнонационализма» в союзных республиках. Уверовав в возможность успешного противостояния с Москвой, политический этнонационализм приступил к реализации своего проекта развала Союза ССР с одновременным захватом ресурсов, собственности, власти на «своих этнических» территориях и созданием этнократических режимов.

Примечания

- 1 *Вдовин А. И.* Эволюция национальной политики СССР. 1917–1941 гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2002. № 3. С. 6–7.
- 2 *Пыжиков А. В.* Хрущевская «оттепель». М., 2002. С. 177–178.
- 3 Наиболее подробно история «коренизации» изложена в фундаментальной монографии Терри Мартина. См.: *Мартин Т.* «Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.
- 4 Интересные сведения о нежелании саратовских украинцев обучаться украинскому языку в школах Саратовской губернии приводит А. А. Шалыгин в кандидатской диссертации «Национальная политика Советского государства в 1917–1928 гг. и ее реализация в Саратовской губернии» (Саратов, 2010).
- 5 *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003. С. 284.
- 6 *Хоскинг Дж.* Россия и русские : в 2 кн. М., 2003. Кн. 2. С. 245–246.

- ⁷ Некрич А. Наказанные народы // Родина. 1990. № 6. С. 33.
- ⁸ Бугай Н. Ф. Депортация народов Крыма. М., 2002. С. 15.
- ⁹ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 119.
- ¹⁰ См.: Кара-Мурза С. Г. «Совок» вспоминает. М., 2002. С. 58–59.
- ¹¹ См.: Жданов Ю. А. Взгляд в прошлое : воспоминания очевидца. Ростов н/Д, 2004. С. 345.
- ¹² См.: Каптелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 1997. С. 284.
- ¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7523. Оп. 78. Д. 699. Л. 8.
- ¹⁴ Там же. Л. 2.
- ¹⁵ Там же. Л. 20.
- ¹⁶ См.: Каптелер А. Указ. соч. С. 284.
- ¹⁷ Соломенцев М. С. Верю в Россию. М., 2003. С. 167.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 106. Д. 101. Л. 64.
- ¹⁹ Там же. Оп. 109. Д. 93. Л. 77.
- ²⁰ Конституция (Основной Закон) СССР. М., 1978. С. 57.
- ²¹ Там же. С. 57, 60, 63.
- ²² См.: Бобков Ф. Д. КГБ и власть. М., 1995. С. 300–303.
- ²³ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 117. Д. 637. Л. 2–3.
- ²⁴ Там же. Оп. 121. Д. 49. Л. 27.
- ²⁵ Там же. Л. 28, 29 ; Оп. 109. Д. 93. Л. 103.
- ²⁶ Там же. Оп. 109. Д. 93. Л. 103.
- ²⁷ См.: Бобков Ф. Д. Указ. соч. С. 310. См. также: ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 121. Д. 49. Л. 28, 29.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 109. Д. 93. Л. 103.
- ²⁹ См.: История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). М., 1999. С. 190–192.
- ³⁰ Там же. С. 196.
- ³¹ См. подробнее: Мякшев А. П. Крах попыток восстановления немецкой автономии на Волге в последнее десятилетие советской истории // На крутых поворотах истории : актуальные проблемы методологии отечественной истории : сб. науч. тр. М., 2011. С. 129–146.

Образец для цитирования:

Мякшев А. П. Советская национальная политика: факторы успеха, уникальность исторического опыта, причины краха // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 46–51. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-46-51.

Cite this article as:

Myakshov A. P. Soviet National Policy: the Success Factors, Unique Historical Experience, Reasons of Failure. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 46–51 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-46-51.